

Глава 14. Феномен Новочеркаска.

1. Социальный и политический контекст волнений в Новочеркасске.

«Коммунистическая» версия событий в Новочеркасске, самого значительного и известного стихийного народного выступления против власти в послевоенной истории СССР, проста и неубедительна: «хулиганствующие» и уголовные элементы, тайные и явные антисоветчики, пьяницы и маргиналы с помощью провокаций, угроз и принуждения сбили с правильного пути толпу несознательных рабочих и, несмотря на усилия «сознательных» - коммунистов, комсомольцев, дружинников и «передовиков», повели ее за собой против Советской власти. Эта безотказная схема, отработанная еще в первые годы режима для объяснения «необъяснимых» с точки зрения большевистских идеологических мифов выступлений народа против «своей» власти, в 60-е годы уже не казалась достаточно убедительной и идеологически эффективной даже самой коммунистической верхушке.

Размах событий был таким, что узнай о них (даже в официальной интерпретации) население всей страны, возмущенное обидным повышением цен 1962 года, и феномен Новочеркаска вполне мог превратиться в новочеркасский синдром. Известия о таких крупных волнениях обычно избавляют народ от ощущения бесперспективности любого выступления против режима (все равно, мол, никто не поддержит, вокруг кишат осведомители КГБ, которые тут же донесут и т.п.) и, будучи преданы гласности, способны стать вдохновляющим примером для недовольных. А если таких недовольных - целая страна (кому же нравится, когда зарплата снижается, а цены растут), то тогда предпочтительнее пренебречь возможным устрашающим эффектом от жестокого судилища над «зачинщиками» и сохранить события в тайне, сделав их как бы и «небывшими». Поэтому несмотря на открытые показательные процессы над участниками волнений в Новочеркасске информацию о событиях за пределы города постарались не выпускать, а городских жителей запугали настолько, что они вообще боялись откровенно обсуждать итоги судебной расправы над зачинщиками,

опасаясь к тому же, что и сами «засветились» во время волнений. Все знали, что толпу фотографировали переодетые сотрудники КГБ и милиции (одного из них в первый день волнений рабочие расшифровали и избили).

В конечном счете, коммунистические правители в своем внутреннем «семейном» кругу удовлетворились довольно бесхитростной версией своей идеологической и юридической «обслуги», а для «внешнего употребления» предпочли ограничиться привычным молчанием. «Вожди» были не без основания уверены: чем дольше о событиях, подобных новочеркасским, ничего внятного население не узнает, тем дольше прослужит великий советский миф о «нерушимом единстве партии и народа». Одним словом, беспорядки в Новочеркасске, в отличие, например, от кронштадтского мятежа или «антоновщины», в советские учебники истории не попали. Лидеры страны подсознательно чувствовали, что расстрел безоружной толпы, требовавшей от Советской власти, как от какого-нибудь дореволюционного заводчика, хлеба и нормальной зарплаты, совсем не сулил им лавров великих политиков и борцов за дело рабочего класса.

Волнения в южнорусском городе уже давно превратились в символ народного сопротивления коммунистическому режиму, в своеобразный иероглиф «Новочеркасск», вызывающий в современной России целый комплекс негативно нагруженных политических эмоций и переживаний по поводу прошлого. А ведь все, что в течение трех летних дней происходило в Новочеркасске, не было чем-то исключительным и уникальным. Нам известны случаи стихийных стачек и забастовок, политических антиправительственных демонстраций под красными флагами и даже с пением революционных песен, не говоря уже о погромах отделений милиции или горкомов КПСС, символических действиях (тревожные гудки, «осквернения» портретов вождей) или насилии по отношению к представителям власти и здравомыслящим обывателям. Не было чем-то особенным и политическое «сопровождение» беспорядков листовками, лозунгами и высказываниями «антисоветского характера». Даже по своей массовости и размаху волнения в Новочеркасске хотя и выделялись из ряда

остальных городских волнений в Европейской России, но явно уступали, например, волнениям в Грузии в 1956 г. Символика Новочеркаска определяется даже не беспрецедентной жестокостью властей. И до Новочеркаска при подавлении волнений было немало стрельбы, крови и злобного «правосудия» по отношению к зачинщикам. Суть дела здесь и не в непосредственной направленности и содержании протеста, даже не в составе участников (в основном рабочие) или более осмысленных и организованных (по сравнению с другими волнениями) действиях жителей Новочеркаска.

Два обстоятельства делают волнения в этом южном городе исключительными. Во-первых, они (эти волнения) разворачивались на фоне массового недовольства политикой власти в целом по стране, а не были, как обычно, привязаны к исключительной ситуации в одном отдельно взятом городе или поселке. Это действительно высшая точка народного недовольства, спровоцированная решениями высшей власти и локализованная не столько географически (ведь призывы к забастовкам и бунтам раздались одновременно по всей стране¹), сколько во времени (начало июня, сразу после публикации Обращения ЦК КПСС о повышении цен). Во-вторых, впервые (такого не было ни до ни после!) в организации подавления беспорядков принимали непосредственное участие высшие партийные иерархи (члены Президиума ЦК КПСС А.И.Микоян и Ф.Р.Козлов), тем самым и ответственность за расстрел легла непосредственно на высшее руководство страны, а не на местные власти, военных, КГБ или милицию. Режим «подставился».

Чтобы вполне понять истерическую реакцию властей на события в Новочеркаске, нужно ясно представлять себе то негативное информационное поле, в котором оказались высшие руководители после объявления о повышении цен. Сообщения об антиправительственных листовках и высказываниях, оскорблениях в адрес лично Хрущева, призывах к бунтам и забастовкам в начале июня 1962 г. приходили

1 См. информации КГБ при Совете Министров СССР (Исторический архив. 1993. № 1. С.111-118; № 4. С.170-172; "Объединяйтесь вокруг Христа - большевики повысили цены": Отношение населения СССР к повышению цен на продукты питания в 1962 г." //

отовсюду. Власти испугались политических последствий собственного решения, а в фокусе их внимания в этот критический момент оказался именно Новочеркасск - место наивысшего накала страстей.

Партийные руководители и КГБ отгоняли от себя как наваждение тревожные мысли о стратегическом или тактическом просчете, о правильности своей социально-экономической политики, о кризисе доверия власти, о том, что продовольственные трудности и дороговизна классический повод не только для забастовок и бунтов, но даже для революций. Для того, чтобы оценить это, достаточно было помнить если не свой собственный революционный опыт, то хотя бы школьный курс истории. Ничего из этих неизбежных размышлений партийной и государственной верхушки о себе и собственном будущем в документы не попало и попасть не могло. Подобное противоречило бы партийному этикету. Зато в ситуативном анализе новочеркасских событий руководство страны, а особенно полицейский аппарат, были достаточно убедительны.

В информации заместителя председателя КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о массовых беспорядках в г.Новочеркасске от 7 июня 1962 года отмечалось, что на Новочеркасском электровозостроительном заводе им. Буденного, где как раз и начались волнения, «уже имели место факты, когда некоторые рабочие кузово-сборочного цеха приходили на завод, но в течение трех дней не приступали к работе, требуя от дирекции улучшения условий труда». Другими словами, опыт забастовок у новочеркасских рабочих был. Причин для недовольства и даже негодования тоже было более чем достаточно. В начале 1962 года администрацией завода пересматривались нормы выработки, «в результате чего у некоторой категории рабочих понизилась заработная плата до 30%». Важным обстоятельством, способствовавшим разжиганию конфликта, была личность директора электровозостроительного завода Б.Н.Курочкина, вызывавшего особую неприязнь рабочих¹.

"Неизвестная Россия. XX век". Вып.3. М.: Историческое наследие. 1993 и др.)
1 Исторический архив. 1993. № 1. С.122-123

Пройдясь по верхам событий, КГБ не стал углубляться в детали и подробности. А они существенны для того, чтобы понять особую предрасположенность именно рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода им Буденного к крайним формам протеста. На эти дополнительные «возмущающие» факторы уже в наше время обратила внимание И.Мардарь. НЭВЗ, будучи формально передовым и преуспевающим заводом, реально был одним из самых технически отсталых в городе. На нем, особенно в «горячих» цехах, преобладал тяжелый физический труд, бытовые условия были неудовлетворительны (недостаток бытовок, перебои в подаче воды и т.п.). Зарплата у большинства - низкая. В результате - текучесть кадров и готовность администрации принимать на работу всех без разбора, в том числе и тех, кого никуда больше не брали - освободившихся из заключения уголовников. По сообщению И.Мардарь, со ссылкой на ветеранов завода, среди рабочих попадались и люди непосредственно обиженные властью - бывшие раскулаченные и расказаченные¹.

На повышенную концентрацию в городе бывших заключенных обращали внимание и правительственные органы. Но на мой взгляд, значение криминальной составляющей не следует преувеличивать. Среди осужденных «зачинщиков» очень мало людей с серьезным уголовным прошлым, а хулиганов, мелких несунув в это время в стране насчитывались миллионы и подобные «народные» преступления были свойственны скорее привычному образу жизни народа, чем уголовному миру. Да и чисто статистически количество проживавших в городе бывших преступников (официально на 1 июля их числилось 1586 человек²) притом, что только на НЭВЗ работало 12 тысяч человек, а в Новочеркасске было еще несколько крупных заводов, явно не впечатляет. «Город преступников», выступивший против власти в духе бакунинского революционного бунтарства, может быть, и мог стать красивым мифом, но имеет мало общего с реальностью. Другое дело, что повышенная концентрация бывших уголовников в конкретном месте

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.5-6.

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.126

и в конкретное время (сталелитейный цех, первая смена) отчасти способствовала более острой форме конфликта на первой его стадии.

Гораздо важнее то, что в городе был продовольственный кризис. Мяса в магазинах не хватало, за картошкой на рынке занимали очередь в час ночи. Ели даже жареную картофельную шелуху. Когда в начале мая рабочим НЭВЗ в очередной раз снизили расценки и увеличили нормы выработки¹, жить, особенно семейным, а их оказалось много среди «зачинщиков», стало совсем невмоготу. Тут и без повышений цен продержаться от зарплаты до зарплаты было трудно. А 31 мая, несмотря на ожидавшееся на следующий день повышение цен, о чем дирекция знала, в сталелитейном цехе электровозостроительного завода было проведено очередное снижение расценок на производимую продукцию². Ничего более глупого в то время сделать было нельзя. В цепи случайностей, приведших рабочих и власть к трагедии массового расстрела, появилось первое звено. И это только после кажется, что каждой из них (этих случайностей) в отдельности можно было бы избежать, окажись начальники поумнее, а рабочие потерпеливее.